

Библия говорит сегодня

Евангелие от ЛУКИ

Майкл Уилкок

Библия говорит сегодня

Майкл Уилкок

Евангелие от Луки

ХЦ «МИРТ»

Уилкок М.

Евангелие от Луки / М. Уилкок — ХЦ «МИРТ», — (Библия говорит сегодня)

Евангелие от Луки называют «симфонией спасения». Оно написано человеком, который любил людей и страстно желал им спасения. Особенностью Луки является его страстная вера в то, что спасение предназначено «всем человекам»; и хотя не каждый спасется, но каждый может быть спасен. Майкл Уилкок, проникая в логику повествования, показывает, как твердо и последовательно ведет нас Лука по стопам Иисуса, настойчиво подчеркивая важные моменты Его учения.

Содержание

Общее предисловие	5
Предисловие автора	6
Введение	7
1. Лука	9
2. Врач	11
3. Кто он, «похваляемый за благовестие»	12
Пришествие Спасителя	13
1:1-4	13
1. Его структура: благовествование в церкви второго поколения	13
2. Его представление: Евангелие «от Луки»	15
3. Его назначение: Евангелие для Феофила	17
1:5-80	19
1. Вопрос стиля и содержания	19
2. Содержание	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Майкл Уилкок

Евангелие от Луки

Общее предисловие

«Библия говорит сегодня» представляет нам серию книг, посвященных Ветхому и Новому Заветам. Авторы этих книг ставят перед собой три задачи: дать точное изложение и разъяснение библейского текста, связать его с современной жизнью и сделать это так, чтобы читателю было интересно.

Эти книги, следовательно, не являются комментариями, ибо цель комментариев – скорее прояснить текст, чем способствовать его применению. Они больше похожи на справочники, чем на литературные произведения. С другой стороны, нет здесь и чего-то вроде «проповедей», когда пытаются говорить интересно и в духе времени, но без достаточно серьезного отношения к Писанию.

Все, работавшие над серией, едины в убеждении, что Бог по-прежнему говорит с нами через Библию, и нет ничего более необходимого для жизни, здоровья и духовного роста христиан, чем умение чутко внимать тому, что говорит им Дух через Свое древнее – и вечно юное – Слово.

Дж. АМОТИЕР Дж.

Р. У. СТОТТ

Редакторы серии

Предисловие автора

Начиная предыдущую книгу этой серии, я очень сомневался, смогу ли написать комментарий к такому грандиозному труду, как Откровение Иоанна Богослова. Те же самые опасения я испытывал и перед началом работы над данной книгой. По сложности Евангелие от Луки не уступает Откровению Иоанна Богослова, хотя и по совсем иной причине. Последнее мало известно, первое известно чересчур. Издать достойный путеводитель по тому месту, которое все уже хорошо знают, едва ли не более сложно, чем нанести на карту местность, по которой редко ступала нога человека. Поэтому можно сказать, что в данной работе я предлагаю всего лишь собственную точку зрения на то, о чем писал нам Лука.

Я очень благодарен моим проникательным друзьям, особенно любителям поспорить из церкви «Сент Фейс» (Мейдстон), которые прослушали мой труд и подвергли его обстоятельной критике. Но основная ответственность за эту книгу лежит на мне.

Упомянув о трудностях, мне также следует сказать несколько слов об объеме книги. Третье Евангелие, несмотря на то что в нем меньше глав, чем в Евангелии от Матфея или в Деяниях Апостолов, – это самая большая книга Нового Завета. Поэтому здесь, как ни в какой другой книге этой серии, остро стоял вопрос об отборе материала. Старый комментарий к Евангелию от Луки, написанный Годе, насчитывает 903 страницы, а новый, написанный Маршаллом в наше, менее склонное к дискурсу, время, – 928¹.

Что же оставить и что выбросить в повествовании, которое должно занять четверть указанного размера?

Читатели должны заметить, что я избрал практический подход. Так текст Луки не приводится полностью, но цитируется частично, по несколько стихов одновременно. Поэтому, вероятно, будет полезно иметь под рукой Библию и читать соответствующий раздел, перед тем как обратиться к данному изложению. Далее, данная книга – изложение. Это не комментарий; вы не найдете здесь рассуждений по каждому стиху и проблеме, затронутой в нем. На самом деле, признавая ценность детального изучения Библии, я всегда опасался не увидеть леса за деревьями. Поэтому мои усилия были направлены на то, чтобы увидеть картину в целом. В результате, я полагаю, мне удалось увидеть форму Евангелия, его структуру – не ту, что навязывают нам проповедники, пытающиеся найти то, чего нет, а ту, что открывается после молитв и тщательного изучения сказанного нам Лукой. Где-то между двумя крайностями – многоплановой сложностью, с одной стороны, и бесформенной смесью, с другой², – находится то, что замыслил Лука, составляя свое «тщательное исследование» (1:3). Я попытался нащупать эту модель, дабы выявить ее значение и показать, о чем, по моему мнению, писал Лука.

Майкл Уилкок

Тринити колледж, Бристоль

¹ Howard Marshall, *Commentary on the Gospel of Luke* (Paternoster, 1978). К сожалению, я слишком поздно обнаружил этот замечательный труд, чтобы почерпнуть из него материал для моей книги.

² Эти две противоположные тенденции (возможно, даже и не крайности), можно увидеть у Эллиса (Ellis, pp. 30–37) и Морриса (Morris, pp. 61–63).

Введение

*Посвящается моим родителям к их юбилею
1928–1978*

Поскольку мои друзья (к сожалению) называют меня «профессиональным» христианином, большинство книг на моей книжной полке – инструменты для моей работы. Читать их, конечно же, гораздо сложнее, чем те, что стоят на полках у моих друзей. Для непрофессионального читателя, который захочет читать их последовательно с первой страницы до последней, такие «профессиональные» книги, конечно, будут устрашающими. Введение покажется ему еще более непонятным, чем все остальное. Спешу сообщить, что я ни в коем случае не приуменьшаю ценность работ подобного рода. Они дают нам сырье, из которого можно сделать нечто более доступное (и в то же время более поверхностное). Однако я согласен с тем, что все эти введения хотя и достойны, но скучны.

Книга, которую вы держите в руках, не рассчитана на узкую аудиторию искушенных богословов, и, надеюсь, она начинается с введения, которое не является «достойным, но скучным». Согласно высказыванию из одного классического произведения, которое я много раз читал задолго до того, как услышал слово «комментарий», «введение предназначено для представления людей»³. Поэтому без дальнейших церемоний, дорогой читатель, я хочу представить вам доктора Луку.

Многое, что вы узнаете о нем из введения (цель написания Евангелия, вклад автора в историю и богословие и во взаимосвязи между ними, его методы, стиль и характеристики), будет рассматриваться в этой книге. Единственное, чего я не коснусь, но чему комментаторы уделяют много места – это дата написания

Евангелия. По моему мнению, обе книги Луки – Евангелие и Деяния Апостолов – были написаны в начале 60-х гг. I в. Он не мог написать их раньше, так как они повествуют о заключении Павла в Риме, имевшем место в начале того десятилетия; а если бы он написал их позже, то, несомненно, упомянул бы о событиях последующих лет, особенно о гонениях христиан императором Нероном в 64 г. н. э. По этому поводу делалось множество предположений, но никто не знает точного ответа.

Введение к данной книге сосредоточено на самом Луке, человеке, в честь памяти которого английские реформаторы сочинили удивительную молитву, наталкивающую на определенные размышления:

«Господь Всемогущий, призвавший врача Луку, который прославил себя Евангелием, быть Евангелистом и Целителем душ, пусть благотворным лекарством учения, донесенного им, исцелит все недуги нашей души через заслуги Сына Твоего Иисуса Христа, нашего Господа»⁴.

Как становится ясно из этой краткой молитвы, упомянутый «евангелист» – автор третьего Евангелия – в самом деле был Лукой, другом и спутником апостола Павла, чье присутствие можно обнаружить в тех частях Деяний Апостолов, где автор говорит, что «мы» сделали то-то и то-то. В всяком случае, этого взгляда придерживались с самых ранних времен. Вторых, как свидетельствует Павел в Послании к Колоссянам (4:14), Лука действительно был врачом. Эти два определения (что евангелист был Лукой и что он был врачом) не вызывают сомнений и общепризнаны; но третье утверждение, что он тот самый безымянный «похвальный за благовествование», который упоминается Павлом во 2 Кор. 8:18, – всего лишь пред-

³ А. А. Милн, *Витии-Пух и все-все-все* (как вы, конечно же, догадались сами).

⁴ The 1662 Prayer Book.

положение. Мы возвратимся к этому позже, а сначала познакомимся с нашим автором просто как с Лукой.

1. Лука

Скорее всего, мы не ошибемся, если предположим, что Лука не был евреем. На это указывает его греческое имя, хотя греческие имена носили также и евреи (напр., Андрей и Филипп из числа двенадцати апостолов, которые общались с двумя Иаковами, двумя Симонами, двумя Иудами и Левием)⁵. Его знание греческого языка великолепно, хотя это также не было исключением среди образованных евреев. Место, которое, по мнению большинства ученых, лучше всего указывает на нееврейское происхождение Луки, приводится в Кол. 4. Очевидно, в ст. 10, 11 Павел перечисляет своих еврейских «сотрудников», а всех остальных, включая и Луку, – в ст. 12–14. Но даже здесь ученые не единодушны⁶. Единственное, чего нельзя отрицать, это то, что данное Евангелие абсолютно нееврейское по своему духу и воззрениям.

Только вдумайтесь в эти слова. Так называемая «языческая миссия» – распространение Благой вести за пределами Израиля – основная тема как Евангелия, так и Деяний, но обе эти книги сами по себе – неотъемлемая часть миссии, инструмент для ее исполнения. Поразительно, что такая объемная и великолепная работа (Евангелие от Луки считается самой большой книгой во всем Новом Завете и самым полным из всех четырех Евангелий, а вместе с Деяниями они делают вклад Луки в Новый Завет самым значительным) была написана язычником для язычников во времена, когда внутри церкви все еще сильны были еврейские корни. Будь в домах Римской империи кофейные столики, они стали бы, я думаю, единственным местом, где Лука хотел бы увидеть свои книги. И это одна из причин, почему они так уместны сегодня. Многие из нас, живущих на западе, – такие же люди, как те, к которым обращался Лука. У нас так мало материальных нужд, но наши духовные потребности как язычников, если мы все еще «без Христа» и «отчуждены от общества Израильского» (Еф. 2:12), остаются еще более серьезными, чем нужды евреев. Поэтому для нас Благая весть даже полезнее, чем для них. И вряд ли ее можно было представить в более привлекательном виде.

Одним из аспектов языческого воззрения в данном Евангелии считается его ориентированность на человека. Оно о человеке и его нуждах. Конечно же, оно сосредоточено главным образом на Божественном Спасителе, но это Спаситель *мира*. Этот взгляд Луки на мир имеет два фокусных расстояния: одно близкое, другое дальнее. Сначала он как бы отступает назад, чтобы охватить взглядом все человечество и мир. В комментариях это называют его универсализмом. Например, во всех четырех Евангелиях в связи с Иоанном Крестителем цитируются пророчества Исаии. Голос свыше провозглашает: «Приготовьте путь Господу». Но только Лука приводит цитату до конца: «...и узрит всякая плоть спасение Божие» (Ис. 40:3; Мф. 3:3, Мк. 1:3, Лк. 3:4–6, Ин. 1:23). Этот универсализм не подразумевает, что спасение Божье предназначено даже для тех, кто намеренно его отвергает; это противоречило бы основному учению Нового Завета. Скорее, это означает, что нет такого человека, которого бы не достигла Благая весть, и что для нее нет непреодолимых границ. Лука говорит, что не *каждый спасется*, но *каждый может быть спасен*, и этот взгляд совпадает с представлением Павла об окончательном устранении границ: в христианской Церкви «нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28). Это одна сторона всеобщности Евангелия.

Но затем, как бы приблизившись, Лука показывает, что «все» – это, тем не менее, «каждый», при условии, что мы понимаем это в том смысле, который он имел в виду, и что мир все же состоит из отдельных людей. Он изображает разные классы людей, но более того он изображает отдельного человека внутри этих классов. Как я уже сказал, данное Евангелие было

⁵ Последние четверо большинству читателей Нового Завета известны как Иаков, Симон, Иуда и Матфей.

⁶ См., напр.: Ellis, pp. 52f.

рассчитано не только на евреев, но также и на греков, римлян и самаритян. Оно не только для мужчин, но и для женщин, и не только для важных женщин, таких, как жена управляющего Ирода, но и для вдов, калек и проституток. Оно не только для свободных, но и для рабов, и для всех тех, кого презирает общество: бедных, слабых, изгоев, воров и предателей. И каждого из них Лука изображает как отдельную личность. Галерея этих портретов открывается нашим взорам на протяжении двадцати четырех глав. Это реальные люди, и мы видим их в реальных человеческих условиях. Как и один римский драматург до него, Лука может сказать: «*Homo sum: humani nihil a me alienum puto*»⁷. Подобно английскому эссеисту Оливеру Голдсмиту, он может считать себя «гражданином мира»⁸.

⁷ «Я человек, ничто человеческое мне не чуждо». Terence, *Heauton Timorumenos*. I. i. 25.

⁸ «Гражданин мира» – название книги О. Голдсмита.

2. Врач

Мы рассмотрели, как языческое происхождение Луки послужило делу написания Евангелия миру. Теперь обратимся к его воспитанию, профессии и постараемся понять, какое влияние они оказали на написание Евангелия.

Лука – врач. Его дело – лечить.

Греческий – очень богатый язык; однако перед нами тот случай, когда английский кажется еще богаче, так как к одному греческому слову здесь предлагается два английских⁹. В греческом есть слово *sōzō*. Следует ли его перевести как «исцелять», или как «спасать»? И то и другое подходит для профессии Луки.

Конечно же, дело не в том, что старый язык более богат, чем новый. Может быть, греки точнее понимали природу вещей, когда полагали, что спасти человека и лечить его было, в принципе, одним и тем же и что одно слово должно передавать два значения. А возможно, это отражение острого *профессионального* интереса Луки (если не сказать больше) к истории о том, как родился в «городе Давидовом *Sötër*» (Лк. 2:11), Исцелитель/Спаситель, Который пришел в мир, чтобы освободить нас от болезни и греха. Мы говорим не на греческом языке, и поэтому нам нужно решать самим, когда этого человека будет уместно назвать Спасителем, а когда Целителем. Но в греческом для этого существует одно-единственное слово, и этим словом был очарован доктор Лука. Слово *sōzō* и его производные гораздо чаще встречаются в этом Евангелии, чем в трех других. Он рассказывает о Человеке, у Которого была власть и сила творить то дело, которому он учился сам. Но дело Христа свершалось на недостижимом уровне, в неизведанных областях и имело такие результаты, от которых рушились все базовые знания Луки об исцелении/спасении.

⁹ С другой стороны, у английского слова «исцелять» есть три греческих эквивалента: *soz.o*, *therapeut* и *iaomai*.

3. Кто он, «похваляемый за благовестие»

Во 2 Кор. 8:18 апостол Павел упоминает о некоем христианине, «похваляемом за благовествование», которого притом избрали «сопутствовать» ему в миссионерских похождениях. Павел не упоминает имени этого христианина, и комментаторы на протяжении веков не устают делать свои предположения. В качестве вариантов предлагались Варнава и Сила, Тимофей, Марк и полдюжины других имен, упоминающихся в Деяниях в качестве компаньонов Павла. Составители молитвослова, однако, полагали, что это был Лука, и поэтому фраза, процитированная выше, находит себе место в краткой молитве на День святого Луки. Принимая такое решение, они руководствовались сильными и древними традициями, мнением большинства ученых и тем, на что указывало множество фактов.

Конечно, это всего лишь вероятность, и убедительных оснований полагать, что Павел говорит здесь именно о Луке, на самом деле нет. Несмотря на то что безымянный брат «похваляется за благовествование», то есть за написанную им книгу, вероятность того, что Павел имел в виду именно это, невелика. Скорее всего, брат восхваляется за свое служение Благой вести (JBP, NEB) или за ее проповедование (RSV) в более широком смысле слова.

Но даже если в этом стихе речь идет не о третьей книге Нового Завета, все равно Лука славен своим Евангелием. Эпитафия Кристофера Рена в Соборе Святого Павла, гласящая: *Si monumentum requiris, circumspice* («Если вы ищите памятник, посмотрите вокруг»), направляет наш взгляд на великий шедевр искусства. Он великолепен, но безжизнен. Когда мы читаем Евангелие от Луки, те же самые слова можно сказать и о нем с тем лишь исключением, что перед нашим взором предстает нечто более, чем просто великое творение искусства. Эти страницы не просто удивительны, они еще и живы. По этому поводу будет совсем не лишним похвалить их автора, возлюбленного врача, ставшего евангелистом, за его мастерство и проницательность, благодаря которым он нарисовал этот живой портрет живого Спасителя. Или, что более уместно, мы восхваляем самого Спасителя, Который, исцелив душу своего талантливого греческого доктора, впоследствии направил его дар написание книги о спасении для мира.

Пришествие Спасителя

1:1-4

Лука представляет свое Евангелие

Первые четыре стиха Евангелия образуют введение к нему. Мы уделим им более пристальное внимание, чем последующим разделам, и они достойны этого, потому что представляют собой фундамент для всего остального.

Обычно комментарии, а не изложения вроде этого, подробно рассматривают, как Лука написал свое предисловие (его великолепный греческий стиль), а также к *кому* он обращался (вымышленное ли это лицо, или реальное, было ли имя Феофил настоящим именем адресата, или это псевдоним, указывает ли обращение «достопочтенный» на официальный чин того, к кому обращается Лука, или это всего лишь знак уважения, был ли он новообращенным христианином, или заинтересованным посторонним человеком. Ни на один из этих вопросов нет определенного ответа. Единственное, что можно сказать с некоторой долей уверенности, – это то, что, согласно 1:4, он действительно существовал). Мы же сосредоточимся на том, *что* хотел написать Лука. Чего мы ожидаем, когда начинаем читать его Евангелие? Что, согласно введению, оно представляет собой?

Во-первых, мы узнаем, что это одно из нескольких Евангелий, появившихся примерно в то же время. В каждом из них излагаются определенные факты из жизни Иисуса Христа. Во-вторых, мы узнаем, что здесь Лука представляет свою личную точку зрения на излагаемые события. И, в-третьих, мы увидим, что это – руководство, предназначенное для всех, кто ставит себя на место Феофила. Вот о чем сообщает нам предисловие Луки.

1. Его структура: благовествование в церкви второго поколения

Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, Как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, – То рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил (1:1–3).

Первым поколением христианской церкви были апостолы. Это поколение включало в себя множество людей, которые лично знали Иисуса. Они не нуждались в книгах, чтобы узнать о Нем, ибо их память, ум и сердце были наполнены Им. Свои знания они передавали далеко не в форме стройного повествования. Ранняя история церкви сохранила воспоминания о том, что Петр, например, «сопровождал свои наставления»¹⁰ любым ярким воспоминанием об Иисусе, уместным для аудитории, к которой он обращался.

Следующее поколение, к которому принадлежал и Лука, находилось в другом положении. В некотором смысле эти люди могли сказать: «Слова и деяния Иисуса были известны „между нами“» (1:1). Ведь все случившееся было частью истории их времени. И, тем не менее, если эти факты «передали» те, что были «с самого начала очевидцами» (1:2), то они – люди второго поколения – не были действительными свидетелями. Эти события дошли до них в разнообразных формах (рассказы о смерти и воскресении Господа, о Его высказываниях, чудесах и многом другом, что было важно знать новообращенным христианам). Поэтому воссоздание

¹⁰ Papias, quoted in Eusebius, *Historia Ecclesiae*, III. 39; J. Stevenson, *A New Eusebius* (SPCK, 1960), p. 52.

и изучение этих ранних преданий известно как критика *формы*. Однако ради собственного блага и блага грядущих поколений эти люди сочли целесообразным привести все эти факты из жизни Христа в систематическое целое. Ради этой цели Марк, например, говорят, записывал то, что рассказывал об Иисусе Петр¹¹. Лука утверждает, что следовал тем же путем.

Он сообщает нам, что многие писатели занимались этим делом. Однако немногие из этих трудов сохранились до наших дней¹², и только четыре Евангелия, вошедшие в наш Новый Завет, выдержали испытание временем. Несмотря на это, стоит признать литературные заслуги этих трудов, среди которых Евангелие от Луки – замечательный пример, помогающий понять, какими были другие.

1) Источники этих «Евангелий» (1:2)

Для удобства мы можем называть их «Евангелия», и хотя от них мало что сохранилось, мы все же можем составить некоторое представление по тому, как упоминает их Лука.

Все они были написаны теми, которые были «с самого начала очевидцами и служителями Слова». Это не две разные группы людей, но два названия одной группы. Эти люди были очевидцами в двояком смысле слова: что они *видели*, о том и *говорили*. Это дословный перевод того, как писал о них Лука: «Бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова». Более того, из двух книг Библии, написанных Лукой, Евангелие может быть охарактеризовано первой фразой, а Деяния святых Апостолов – второй. Вознесение Христа – это ось, вокруг которой вращаются оба повествования (Лк. 24:51; Деян. 1:9). Исходя из этого, можно сказать, что первая книга Луки смотрит назад, на начало (т. е. на крещение Иисуса, «начало» его служения; см.: Ин. 15:27; Деян. 1:21). Она рассказывает о том, что наблюдал свидетель. Вторая книга смотрит вперед, начиная от того момента, когда Иисус вознесся и послал Святого Духа. В ней сообщается о том, что говорили и делали, после того как стали служителями Слова, те, кому сначала довелось быть свидетелями.

Мы уже сказали, что Марк и Лука занимались одним и тем же делом – они записывали то, что слышали от свидетелей. Однако нужно учесть еще один факт. Между Евангелием от Марка и Евангелием от Луки (а также и Матфея) существует такое большое сходство, что ученые прослеживают некую литературную связь между этими тремя книгами. Например, предполагают, что Лука при написании своего Евангелия имел перед глазами Евангелие от Марка и, возможно, другие письменные источники, которые на сегодня утеряны. Если это так, значит, хотя рассказ Луки и основывался, по его словам, на свидетельстве из первых рук, он все же включал в себя материал, взятый у Марка. Причина этого, конечно же, заключалась в том, что точность описываемых событий все еще могла быть проверена живыми свидетелями. В обязанности двенадцати апостолов входило также и оценивать подобные свидетельства апостольской истины (Ин. 15:27), и по этому стандарту все новозаветные писания, в действительности написанные не ими – даже наставления Павла (Гал. 2:1—10), – могли считаться апостольскими и поэтому Господними.

2) Содержание этих «Евангелий» (1:1)

Соответственно, в этих Евангелиях описывались дела, совершенные Иисусом на глазах у апостолов, которые впоследствии «передали» виденное тем, кто Иисуса не видел.

Все это в основном было набором фактов. Конечно же, никакие познания не могут спасти человеческую душу, и в этом смысле «набор фактов» сам по себе не представляет никакой духовной ценности. Но все же четко выстроенная цепь событий образовала нечто, охранявшее

¹¹ Ibid.

¹² Многочисленные так называемые Евангелия (более или менее фрагментарные), составляющие апокрифические книги Нового Завета, были написаны гораздо позже и содержат в себе немало религиозного вымысла. См.: A. F. Walls, 'New Testament Aposphyra', *New Bible Dictionary* (Inter-Varsity Press, 1962), pp. 879ff.

еся и передававшееся церковью из поколения в поколение, – предания об Иисусе (2 Фес. 2:15; см.: 1 Кор. 11:23; 15:3; 1 Тим. 6:20; 2 Тим. 1:12–14). Это были описания увиденного «очевидцами», набором фактов, передаваемых точно, то есть в том виде, в каком они были получены, и из которых, если выстроить их в определенном порядке, можно было составить продолжительный рассказ.

Эти факты оказываются сердцевиной ранних христианских посланий. Например, в Деян. 2:22 и дал. мы встречаем ряд утверждений об Иисусе, основанных на рассказах очевидцев событий. Но данные обстоятельства дают нам понять, что мы имеем дело с чем-то гораздо более глубоким и серьезным, чем просто научные сведения. Ибо эти факты, отобранные и истолкованные мудростью Святого Духа, которая обращает историю в богословие, сейчас *проповедуются* живой властью того же Духа; в результате они затрагивают сердца людей, заставляя их покаяться.

Таким образом, то, что было совершено, сейчас передается; Петр-очевидец теперь стал Петром – служителем Слова, и это «слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр. 4:12). Апостолы «среди своих воспоминаний об Иисусе обнаружили то, что больше всего было необходимо людям»¹³.

Затем мы узнаем, какими предполагалось быть этим Евангелиям (что осуществилось с большим или меньшим успехом) и, соответственно, каким должно быть Евангелие Луки как одно из них. Мы обнаружим, что на самом деле эта версия «истории об Иисусе» – изложение действительных событий. Это не какая-нибудь теория, идея, философия или даже религия. Это повествование о том, что действительно происходило. И, тем не менее, это не просто рассказ, поскольку изложенное в нем влияет на тех людей, которые его слышат. Очевидцы описываемых событий обнаружили, что, когда они проповедовали эту историю, она меняла жизни людей. А те, кто ее записывал (такие, как Лука), признают, что и в этой форме она имела не меньшее влияние на людей, читавших ее, подобно Феофилу.

За успешной порой благовествования наступил период противодействия, при котором авторитетное провозглашение фактов стало непопулярным и

Вежливость, смягчая фанатичное рвение,
Сменила «Я верю» на «Полагают»¹⁴.

Хочется надеяться, что мы уже вышли из этого леса, хотя и сомнительно. Поэтому будет не лишним еще раз вспомнить, какое большое значение придавали ранние христиане обычному провозглашению «истории об Иисусе». Рассказывали ли ее апостолы первого поколения, или писали евангелисты второго поколения, они знали, что это возымеет свое действие. Так происходит и до сих пор.

2. Его представление: Евангелие «от Луки»

То рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил (1:3).

До сих пор мы рассматривали, в чем все эти ранние «Евангелия» были схожи. Теперь мы посмотрим, чем отличается представление фактов, данное Лукой, от остальных. В самом начале эта книга называлась просто *Kata Loukan*, «От Луки». Давайте же посмотрим, как,

¹³ Caird, p. 43.

¹⁴ Ronald Knox, *Absolute and Abitofhell*.

согласно Луке, наилучшим образом могут быть представлены события жизни Иисуса, и отметим отличительные черты его Евангелия – тщательность, точность и стройность.

1) Тщательность

Тремя греческими словами Лука указывает на то, как тщательно были его изыскания при сборе материала для своего Евангелия. Он «исследовал» эти события, так как, будучи представителем второго поколения, он не мог их наблюдать. Он исследовал все («всего»), что могло относиться к его теме. И сделал он это «сначала». Здесь он имеет в виду, как мы увидим далее, не «с самого начала» служения Иисуса (как в 1:2), но «с самого начала» его земной жизни и даже раньше. Он словно «путешественник, пытающийся открыть источник реки, дабы снова спуститься по ней и проследовать весь ее путь»¹⁵.

2) Точность

Как переведено в RSV, Лука «пристально» исследовал свой материал. Это слово несет в себе представление о точности и поэтому RY и другие версии согласны с маргинальной заметкой RSV, переводящей это слово как «точно». Несомненно, что он проверял и перепроверял добытые сведения, и в любом случае богатые археологические находки за последнее столетие показывают, что он был необычайно внимателен к деталям. Писатель, который никогда не допускал ошибки в том, что можно проверить, заслуживает доверия и во всем остальном.

Его тщательность и точность обнаруживают в нем человека, который вряд ли бы потерпел некоторые современные подходы к истории благовествования. Конечно же, очень хорошо, что мы избавились от старомодной и разрушительной критики Писания, но Лука был бы разочарован, если бы обнаружил, что ее заменило «библейское богословие», которое проводит различие между истиной и фактом и которое, восхищаясь одним, забывает о другом. Для него эти два понятия неразделимы. Истина его Евангелия – это фактическая истина. Разумеется, это не означает, что духовное послание не может передаваться с помощью мифа или басни, когда будет уместно спросить, случилось ли это на самом деле. Это означает лишь, что Лука *не* занимался подобного рода творчеством. Он утверждает, что тщательно и точно исследовал факты.

3) Порядок

Выдвигались предположения, что слова Луки «по порядку описать» означали «изложить истории в хронологическом порядке». Ни одно из Евангелий не приводит какой-либо очевидной хронологии жизни Иисуса, и порядок изложения у Луки более похож на «логический и художественный»¹⁶. Можно предположить, что с такой схемой в голове он, должно быть, исследовал огромное количество материала – все, что можно было узнать об Иисусе, – и отобрал из него, как это делал Иоанн при написании своего Евангелия (Ин. 20:30; 21:25), все самое подходящее для своей схемы.

При поверхностном чтении выявить эту схему не так-то просто. Она подобна скелету, который держит на себе все тело, не выдавая при этом своего присутствия. И книга, которую вы держите в руках, подобна учебнику по анатомии; она является попыткой понять тело Евангелия с помощью изучения его костей.

Некоторые читатели могут почувствовать, особенно читая центральный раздел Евангелия (9:51–19:44), что у Луки нет такой сложной схемы, о которой я говорю. По этому поводу можно сделать три замечания. Во-первых, так как Лука не писал никаких заголовков и подзаголовков, любой анализ подобного рода будет не более чем предположением. Мы представляем здесь то, что можем предложить, а сочетается ли это с содержанием книги Луки – судить чита-

¹⁵ Godet, I, p. 61.

¹⁶ Geldenhuys, p. 57.

телю. Во-вторых, вполне естественно, что критическое деление Евангелия покажется гораздо более сложным, чем то, что планировал сам автор. То же самое происходит при анализе романа или симфонии, и суть в том, что критика заинтересована в подсознательной, так же как и в сознательной, деятельности разума создателя. В-третьих, говоря о двух крайностях, упомянутых мною в предисловии, – сложности, с одной стороны, и бесформенности, с другой, – думаю, что это относится к характеру писания Луки (тщательность, точность и особенно порядок), что он и сам отмечает в данном стихе.

Поэтому перед нами версия, повествующая о том, что было совершено и передано, которая, по словам автора, считается улучшенной в сравнении с теми, что создавались его современниками. В нас должен разыграться аппетит, особенно если мы привыкли обходиться духовными закусками, когда мы узнаем, чего стоило Луке устроить этот праздник. Его труд основан главным образом на живых фактах, которые были общепризнанными для всех ранних «Евангелий». Но, в отличие от них, Лука тщательно обработал эти факты, придал им стройный и привлекательный вид. Мы должны быть благодарны ему за такой грандиозный труд.

3. Его назначение: Евангелие для Феофила

... Чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен (1:4).

Французский поэт Бодлер сказал: «Поэзия творится ради поэзии... Если целью поэта становится какая-либо мораль, то его поэтическая сила ослабевает; сосредоточившись на морали, он забывает о красоте поэзии»¹⁷. Многие из библейских писателей согласились бы с этим (и некоторые из них действительно были прекрасными поэтами). Бодлер со своей верой в «искусство ради искусства» отклонил бы работу Луки, прочитав первые десять строк, поскольку Лука открыто заявляет, что его литературный труд имеет «этическую цель»: он намерен дать наставление Феофилу, чтобы утвердить его в знании христианской истины.

1) В чем Феофил уже был наставлен

То, что слышал Феофил, – гораздо больше, чем просто события из жизни Иисуса. Это были определенные события, которые проповедовались апостолами с неугасающим пылом. Это было слово, которое изменяло человеческие судьбы.

Но даже теперь в познаниях Феофила есть значительный пробел, и этот пробел должно заполнить Евангелие от Луки. Это необходимо для Феофила, независимо от того, обратился он уже в христианство или все еще думает об этом (так как из данных строк неясно, как Феофил относится к христианской вере; слово «наставлен» является переводом греческого слова, которое может означать как то, что он мог быть наставлен самими христианами, так и то, что он слышал о Христе из уст противников христианства)¹⁸. Но в любом случае, будь он новообращенным христианином с зачаточными знаниями о вере или нехристианином, стремящимся узнать как можно больше о христианстве, это Евангелие написано специально для таких, как он.

2) Чем Евангелие от Луки может помочь ему

Чтение этой книги, написанной непосредственно для Феофила, позволит ему «узнать твердое основание того учения».

Лука намеренно помещает слова «твердое основание» в конце своего длинного предложения: «Рассудилось и мне... по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты

¹⁷ Baudelaire, 'Further Notes on Edgar Poe', in *Selected Writings on Art and Artists*, tr. P. E. Charvet (Penguin, 1972), pp. 203f.

¹⁸ Лука использует это слово в первом смысле в Деян. 18:25 и во втором смысле – в Деян. 21:21,24.

узнал твердое основание того учения...» Как и большинство людей своего времени, этот человек, воспитанный, скорее всего, в языческой среде и начавший понимать ее бессмысленность, мог почувствовать «непреодолимое желание познать твердую истину» и «стремиться к достоверным знаниям в вопросах, касающихся религии»¹⁹. И мы, как и большинство людей нашего времени, для которых и христианская вера в ее привычном понимании, и другие религии, предлагающиеся в качестве альтернативы, кажутся очень ненадежным основанием для жизни, можем присоединиться к этому. Но мое Евангелие, сообщает Лука, даст вам *твердое основание*. Говоря это, Лука затрагивает еще одну проблему XX в. Ибо слово это – *asphaleia*, что можно перевести как «непогрешимость», – обозначает понятие, вокруг которого давно ведутся жаркие дебаты. Лука открыто называет свой труд Евангелием, и понятно почему. Прочтите то, что я написал, говорит он, и вы увидите факты, на которых покоится христианство; вы найдете там что-то крепкое и прочное и абсолютно достоверное, твердое основание для веры.

Слово «узнал» также имеет здесь особое значение. Оно означает глубокое и тщательное познание. Лука хочет, чтобы читатель осознал твердое основание Евангелия не только умом, но и сердцем, чтобы это знание стало частью его естества. Это знание может стать вашим, говорит Лука. Как? Через какое-то таинственное ощущение? Тщательным изучением философии? Нет. Благодаря чтению и размышлению над теми ясными фактами из жизни Иисуса, которые изложены в моем Евангелии. Именно *здесь* вы можете получить твердое основание жизни.

Вот чего мы ищем, когда принимаемся читать Евангелие от Луки. Как и множество книг подобного рода, в большинстве своем уже утерянных на сегодняшний день, оно сообщает нам «предания», факты об Иисусе. Однако это не просто факты, но истина, меняющая человеческие судьбы. Более того, эта книга предлагает нам удивительную полноту, точность и осмысленный порядок изложения и требует от нас самого пристального внимания. Благодаря этому, мы можем ожидать, что глубоко в нашем сердце она заложит непогрешимую основу духовной твердости, так необходимой в мире, где все изменяется и ничто не вечно. Так давайте же приступим к ее изучению.

Какое твердое основание, о святые Божьи,
Заложено для вашей веры в Его великолепном слове!
Что еще Он может сказать вам,
Вам, нашедшим свое убежище в Иисусе?²⁰

¹⁹ Geldenhuys, p. 54.

²⁰ Richard Keen, *How firm a foundation*.

1:5-80 «Упование Его народа»

Лука начинает свое Евангелие рассказом о четырех событиях, предшествовавших рождению Иисуса. Первое происходит в Иерусалиме, второе – в Назарете; остальные два произошли в необозначенной деревне, расположенной на холмистой местности в Иудее. Его заявление об «исследовании всего сначала» означает, что он намерен начать не с крещения Иисуса (начала его служения) и даже не с Его рождения (начала Его земной жизни), но с событий еще более ранних. Для Луки эта история начинается с того момента, когда после четырехсот лет молчания Бога народ израильский вновь услышал Его глас, оповестивший о рождении предтечи Иисуса – Иоанна.

Это самая необычайная глава во всех Евангелиях, что и вызывает наше любопытство, и даже не в одном, а в нескольких аспектах.

1. Вопрос стиля и содержания

Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник из Авиевой чреды, именем Захария, и жена его из рода Ааронова, имя ей Елисавета. <...> Однажды, когда он в порядке своей чреды служил пред Богом... Тогда явился ему Ангел Господень... (1:5,8,11).

Ангел сказал ему в ответ: я Гавриил, предстоящий пред Богом, и послан говорить с тобою и благовестить тебе сие (1:19).

Зная, кому Лука адресует свою книгу, мы можем посчитать странным, что такой стиль и содержание предлагаются в самом начале книги. Первое из четырех событий (1:5—25), изложенных в этой главе, представляет любопытный контраст между тем, что автор говорит, и тем, как он это говорит.

1) *Стиль данного отрывка*

Стихи, приведенные выше, намеренно процитированы из AV, а не RSV. Английский язык XVII в. придает описываемым событиям некую красочность. Здесь чувствуется что-то сверхъестественное – появление ангела и его предсказания, – и в то же время чужое, так как все это происходит на востоке, в стране, где царит иудаизм. Это совсем другой мир, не похожий на культурное язычество Греции и Рима и еще более не похожий на тот мир, в котором живем мы. Мы читаем о чем-то далеком, похожем на легенду. Друри пишет, что «данный стиль повествования больше похож на стиль сказки („однажды давным-давно жили-были старик со старухой“)²¹. В некотором смысле слова, это *экзотика*, что-то необычное для читателей, которым адресует свою книгу Лука.

И все же, что необычного в том, что Лука начинает свой рассказ с описания незапамятных времен?

2) *Содержание данного отрывка*

Если первая цитата, приведенная выше, дает нам представление о стиле и атмосфере начальной главы Луки, то вторая заостряет наше внимание на объекте повествования. Гавриил появился, чтобы сообщить об обещанном рождении сына у Захарии и Елисаветы.

На самом деле здесь сообщается больше, чем кажется на первый взгляд. Мы читаем, что эта благая весть послана в ответ на молитвы Захарии (1:13). Однако весть о рождении Иоанна

²¹ Drury, p. 22.

была такой неожиданной для Захарии, что возникает подозрение, действительно ли он хотел сына и молил о нем. Два момента по-разному освещают данный вопрос. Во-первых, эта набожная пара наверняка была из числа тех, кто, как Симеон и Анна (о коих речь в следующей главе), искал «утешения Израилева» и «избавления в Иерусалиме» (2:25,38). Во-вторых, невероятная, выпадающая раз в жизни возможность служить в храме, должно быть, заставила Захарию забыть о своем личном горе и сосредоточиться на более острых нуждах народа, которому он принадлежал. Поэтому мы можем предположить, что он молился о пришествии Спасителя Израиля, и благая весть, принесенная ангелом, означала не просто рождение сына Елисаветой, но рождение того, кто оповестит о пришествии Спасителя.

Эта благая весть – греческий термин «евангел» (*euangelion*) – Евангелие. В ст. 1:19 это слово²² в книге Луки появляется впервые, и Благая весть становится одной из его главных тем. Он мог бы, также как и Гавриил, сказать: «Я... послан... благовестить тебе сие».

Ввиду важности данной темы, Феофил также мог бы спросить, почему (как «Дитя небесное», которому предстоит «быть окутанным в пелены») благовестие впервые «открывается человеческому взору» в таком неожиданном облачении²³. К этому вопросу, сказочному стилю, которым сообщается Благая весть, мы вернемся позже. Но сначала нужно разобраться с самим сообщением, так как его содержание и смысл раскрываются полностью в оставшихся трех случаях, которые приводит Лука в гл. 1.

2. Содержание

И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус [что значит «Господь есть спасение»] (1:31).

И сказала Мария: величит душа Моя Господа, И возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем... (1:46,47).

...Ибо предвидишь пред лицем Господа – приготовить пути Ему, Дать уразуметь народу Его спасение в прощении грехов их (1:76,77).

В дальнейшем мы узнаем, почему так важна эта тема. Когда ангел сообщает Захарии, что его жена, несмотря на их преклонный возраст и ее бесплодность, должна родить сына, это рождение называется благой вестью (1:19), так как Иоанн должен стать вестником *спасения*. Спасение, как никакая другая тема, лейтмотивом проходит в истории Луки, и именно спасение делает полученную Захарией весть Благой вестью. Именно это является основным аспектом всех приведенных выше цитат, каждая из которых взята из оставшихся трех случаев, рассказанных Лукой. Это становится ясным, если мы взглянем в них более пристально.

1) Несущий спасение (1:26–38)

Видение было Захарии в Иерусалимском храме. Отсюда мы направляемся на север, к Галилее: вторая история происходит в Назарете, в доме Иосифа и его жены Марии. Тот же ангел, известивший Захарию о рождении Иоанна, теперь оповещает Марию о рождении Иисуса.

²² То есть «благовестить». Греческое существительное *euangelion* ни разу не встречается в Евангелии от Луки и только дважды – в Деяниях святых Апостолов; слово, используемое им здесь, – это глагол *euangelizesthai* («благовестить»).

²³ Nahum Tate, *While shepherds watched their flocks by night*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.